

Ты была

Голубая майская теплынь. Острые запахи цветов и весенней свежести леса. Улицы нарядны и чисты. Metallурги особенно ценят такое время, когда в рубашке не холодно и в костюме не жарко. Чувствуешь себя легко и молодо.

А сегодня не рядовой день. Воскресение... В парке многолюдно. Едва, едва уловимо запел на дальней дорожке баян. Потом отчётливее и резче зазвучала над берёзовой рощей любимая мелодия. И вот уже крылато и раздольно льётся из края в край наша «Уральская рябинушка». Серьёзнеет молодёжь. Теплеют глаза. Каждый опасается задеть другого, боится нарушить этот красивый и задумчивый мир...

И только на спортивной площадке шум и крики. Поигрывая бугристым телом, мартеновец Виктор Фёдоров, пестует тяжёлую шарообразную гирю. Он вспотел. Дышит часто и сипловато. На него смотрит «противник» и покровительственно, и сочувственно. Противник весит пудов семь. Он с нетерпением ожидает очереди. Но Виктор не сдаётся. Раз! Ещё раз! И штанга падает на землю.

— Молодчина! — поздравляет соперник.

— Да ну? Это же я так... между прочим... Я люблю бокс. Штанга — твоё занятие. Айда, толкай, авось и удивишь кого-нибудь.

Толпа дружно хлопает и хохочет.

А в тот же час во Дворце культуры идёт напряжённая творческая битва. Поэты читают

стихи. В зале гремят пушки, сверкают молнии и кипят пеной дожди... Кто из поэтов согласится на последнее место, все гении... И потому трудно разобраться, кого ругают, кого хвалят. Но вот над столом поднимается юный парень. Голова его взлохмачена. Огромные голубые глаза воинственно поблескивают. Ростом низкий, но коренастый, и голос у парня — хоть уши затыкай.

«Спутник юности, ветер,

Я твой верный собрат.

Ты один на планете,

Как и юность, крылат...»

— Тише! — возмущается кто-то. — Чего тише? Пусть выкричится, на душе легче будет!..
— Парень смутился.

- А ты не робей! Режь как есть! — поддерживают ребята, и новичок опять воспрянул:

«Там, где кружатся метели,

Да свежак струной гудит,

Втиснув корни в глубь расщелин

И в объятых сжав гранит,

Как могучий богатырь,

Ель оглядывает ширь».

— Кончай. Плохо. Из женщины Илью Муромца сделал. Ель! Богатырь!.. Темы-то какие древние. Да и книгой очень припахивает.

— Где работаешь?

— Нигде.

— Отчего же так?

— Тунеядец.

— Хы! — удивился критик. А из тебя может что-то получиться. Стихи горячие и сам темпераментный. Давай на завод!

— Познавать жизнь?

— Да нет. Ты и так мудрый...

Тихо, тихо позванивают стройные обновлённые тополя. Серебрится весёлое мягкое солнце, и до того зеленеет трава, аж глазам больно.

— А ты давно на заводе? — спрашивает новичок Николай Валяев.

— Четыре года.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Та-а-а-к.

— А кто же тебе, шестнадцатилетнему, взрослую машину доверил?

— Люди.

— Здорово. Ты гордишься, что ты рабочий?

— Да.

— А чем объяснишь свой эгоизм?

— А тем, что тебя учу.

— Меня? — обиделся он.

— Да, тебя. Я работаю и учусь, а ты не работаешь и учишься. Все расходы на тебя я же оплачиваю или помогаю государству оплачивать!

— Ишь ты! Значит, я хуже тебя?

— Почему же? Просто у меня больше прав на жизнь.

Замолчали.

* * *

Январское морозное утро. Скрипит железо, урчащие печи разбрасывают красные снопы

зарева. Похожие на танки завалочные машины с грохотом проносятся по цеху. За ними следит молоденький голубоглазый контролёр. Спецовка его уже полиняла и повитерлась... С контролером здоровается Виктор Фёдоров:

— Каковы успехи, поэт?

— Пишем.

— А скоро ли потрясёшь мир?

— Когда ты станешь чемпионом Советского Союза.

Виктор качает головой и продолжает:

— Написал бы, как меня оштрафовал мастер на двадцать пять рублей.

— За что?

— Вздремнул и тупики с разгона вышиб.

— А тупики сколько стоят?

— Рублей сто.

— И оштрафовать нужно ровно на столько же.

— Ого! — надвинулся на собеседника боксёр.

— Ну, чего усомнился?

— Хозяйская душа?

— А ты белоэмигрант, да?

— Все вы, писаки, въедливые как дворняги. Лишь бы укусить. У нас, у боксёров, дружба превыше всего.

— То-то на тренировке сопернику вчера глаз чуть не вынес. Видимо, по-приятельски?

— Нечаянно.

— И вздремнул нечаянно?

— Ух ты! — возмущается Фёдоров, — никогда из тебя толку не выйдет!

Но из-за будки выбегает сердитый мастер: — Опять схлестнулись? Разгоню, дьяволы, по разным полюсам! — Спорщики виновато уходят.

* * *

Осенняя дождливая ночь. Бледно светят фонари, покачиваясь на мокрых столбах. Куда пойти? На улице грязно и пустынно. Леденящий ветер прямо рвётся под самое сердце. А в комнате тепло, светло и просторно. Николай раскрывает тетрадь:

— Валь, когда ты увидел первую книжку собственных стихов, ты заплакал?

— Нет.

— А я, наверно, заплачу. Ты знаешь, лягу на постель и всю ночь думаю, думаю. И какая она будет? Недавно читал ребятам, хвалили. Новые стихи. Даже Витька Фёдоров подмигнул и говорит: «Я бы дал тебе первый разряд!..» Я отвечаю: — Тут же голову надо, а не бицепсы!..

Он вспылит и начал задираться. На боксёрах, говорит, весь мир держится. Еле успокоил. Чудной он. Шуток не признаёт. А стихи любит.

Иногда у него даже слезы... Понимает чёрт. Одно переписал. Собирается отослать своей девчонке.

Николай перелистывает тетрадь и начинает:

«Каждый день уходят поезда

Из цехов в неведомые дали.

Каждый день увозят поезда

На платформах слитки нашей стали.

Каждый день мы ходим на завод

Зной железный у печей глотаем.

Там, где надо, честно льём свой пот

И геройством это не считаем!..»

* * *

За чтением стихов коренастого лирика я следил, не отвлекаясь: болел за друга. А за мной тут же, в кружке литсобратьев, следила и болела тонкая и совершенно худая Зика. Зика теребила меня за ухо, скребла по спине, нервничала и вздыхала, зовя:

— Идём отсюда, ну, идём, идём!

— Куда идём-то? — удивлялся я.

— В лес идём, к соснам идём, к черёмуховым кустам идём, идиот!..

Медленно шагая за Зикой по проспекту Metallургов в сторону тайги, я весело смеялся, видя, как Зика вдохновляется и вдохновляется нашим уединением. Волосы её, длинные, с отливом золотистым, мягкие и ласковые, ласковые, на тёплом весёлом ветерке взвиваются и сверкают, взвиваются и сверкают. Осыпая то плечи, то юную грудь. А она, Зика, не замечает, летит вперёд, увлекая и возбуждая меня:

— Пень ты и пень есть!..

— Почему же я пень, а ты Василиса?..

— Нет, я Зика, золотистая Зика, а Василиса что, сказка, хэ!.. А я Зика, татарка уральская, я тебя люблю, пень ты русский мой!.. — и Зика опять, как бы даже торопя, припугивала меня:

— Скорей, скорей в лес, в сосны, в черёмуху, я ведь натосковалась о тебе, наревелась, ждала и ждала, и вот — дождалась!..

Зика говорила на русском языке тоньше и красочнее коренных девушек деревенских русских. У неё получалось нежнее и осмысленнее русское слово, проникающее и чарующее.

В лесу мы остановились и крепко обнялись, а крепко обнявшись, ещё крепче

поцеловались, и далее побрели, к соснам, к соснам. А в соснах опять обнялись крепко, крепко, обнявшись, вновь крепко поцеловались, и далее побрели, прижимаясь друг к другу, заворачивая в густой белопенный черёмушник. Зика закрывала глаза, а на ресницах ее искрились и серебрились капельки росные слез.

— Дурачок, ох, ты и дурачок у меня!..

— Причина? — шутил я.

— Не хотел весну посмотреть, на меня чужие парни заглядываются, а ты? — и Зика обиженно верхнюю губу прикусила.

— Я занятый человек, я пишу рассказы, басни, эпиграммы, занятый я, поняла или нет, голова пробковая, занятый, ясно?..

* * *

А лепестки черёмуховые осыпались и осыпались на золотистые волосы Зики, вспыхивая, багрянились, розовели, падали на голубое платье ее, скользили по лебединой шее, а распахнутые губы вздрагивали беззащитно и мелко — по точному стуку молодого горячего сердца: сердце — к сердцу!..

Зика вновь, но более наивно и более безвольно, припадала к моему телу своим девчоночьим телом, целовала, обнимала и вновь целовала и вновь обнимала, шепча:

— Хорошо татаркой быть!..

— Чем хорошо-то, а, чем же?

— А русская побоится увести тебя в черёмухи белоснежные, русская и забеременеет от тебя, так мухлевать начнёт, а я нет, я и забеременею если, так опять сюда приведу тебя, женись на мне, понял?!

Я мотал согласно, кивал, значит, ей башкою, и мы падали с нею медленно и аккуратно в сонную мягкую траву. Зика обвивалась вокруг меня нежно и ласково, как обвивались волосы её золотистые вокруг шеи её.

— Зачем тебе литература, глупая писанина эта, баснописец аховый, зачем, кому нужны басни — Крылов есть? А рассказы кому нужны — Шолохов есть. А стихи?.. Послушай, послушай! — садилась на колени ко мне Зика:

Полюби меня крепко,

Чтоб единой судьбой,

Словно дерево с веткой,

Был я связан с тобой.

Полюби непокорно,

Чтобы — с мукой в борьбе —

Находил я упорно

Все тропинки к тебе.

Я хочу, чтоб отныне

Для меня навсегда

Ты была, как в пустыне

Ключевая вода.

— Понял? — пытала Зика.

— Понял! — взбадривался я. И признавался Зике:

— А стихи-то мои

— Как? — вскакивала Зика... И мы опять обнимались. И вновь пропадали в зелёных тёплых травах, в шуме сосновом, протяжном, в лепестках черёмуховых, сверкучих, в синеве, мерцающей грустными думами между землёю и небом. Дети земли и леса, щедро заметённые черёмуховым белым цветом, счастливы, замороженные тайнами ликующей природы.

* * *

— Брось литкружок поганый, брось и женись на мне! Детей тебе нарожаю. Кормить тебя с ладоней буду. Ну, талантливый, ну, печатаешься, ну, славу заимеешь, а меня у тебя не будет, Зики золотистой, татарки влюблённой в тебя, у тебя не будет!..

И Зика чуток всплакивала. Всхлипывала чуток, сморщивая забавный смирный носик. А я не мог наглядеться на Зику. Глядел и глядел. Гладил и гладил волосы её, шею, плечи, грудь, и глядел, мечтая: «Доберусь до Москвы, прославлюсь и разбогатею, заявлюсь в Челябинск и увезу мою отважную татарку в столицу!..»

Возвращались мы из тайги вечером. Через парк. Через стадион. Через танцплощадку. Через музыку и песни. Через игры, забавные, и переплясы. Через Дворец культуры. Боксёры, спортсмены, штангисты, спортсмены, футболисты, спортсмены, бегуны, спортсмены не замечали нас.

А литкружковцы, начинающие прозаики и поэты, пытались беседу затеять с нами, но мы сторонились и спешили. И лишь низкорослый поэт, читавший утром собственные стихи,

коренастый Гомер, заметив нас, широко улыбался нам, и мы ему в ответ широко, широко улыбались.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды

и не искать следа!..

И возникал перед нами день. Утро. Дворец культуры. Чтение, чтение!..

«Если в цехе дел невпроворот,

Ни себя, ни друга не жалеем,

И в кругу обыденных забот

Незаметно каждый день стареем.

Но когда исхлещут нас морщины,

И иссякнут силы до конца,

Не умрём мы — в спутниках,

в турбинах

Будут биться жаркие сердца!»

— Хорошо!..

— Не плохо, живой человек виден, наш одноклассник и товарищ.

— А позиция?

— Позиция настоящая!..

— Ещё бы, металл, который мы даём, действительно знаменит на всю планету!..

— Расхвастался.

— Нисколько, просто осознаю своё достоинство!..

* * *

Этот воскресный день был таким же, как и семь лет назад, бурным. Голубая майская теплынь. Острые запахи цветов. Свежий весенний трепет упругих тополиных листьев. Далеко, далеко, за парком, едва уловимо пел баян. Казалось, ничего не изменилось. Так же кричала молодежь у спортивной площадки, но только другие юноши состязались в силе. И в нашем Дворце культуры другие новички пробовали свои голоса...

Одни вспоминали первоклассные победы своего предшественника Виктора Фёдорова, другие уважительно прислушивались к замечаниям молодого, но уже окрепшего поэта, Николая Валяева.

А по центральному проспекту со свистом летела голубая машина. Не знал Николай Валяев, что его друзья, и по заводу и по перу, спешат преподнести ему сборник стихов, только что выпущенный Челябинским книжным издательством!

— Заплачешь?

— Не заплачу.

А у самого дрожат губы, словно у моей Зики.

— Давай обнимемся!

— Давай!

А мать его смотрит на нас и не может, не может не всплакнуть: то ли от радости, то ли от горьких воспоминаний нелёгкой и долгой жизни?

* * *

Москва.

Стремительно проносятся такси.

В золотой россыпи огней скользят по реке моторки. На домах и на башнях выются флаги. Спокойно и горделиво светят кремлёвские звёзды.

Только что закончил работу семинар молодых русских поэтов. Известные мастера слова немало хорошего сказали о моём земляке и друге, Николае Валяеве. Настроение у нас восторженное. Ну, как же мы обойдёмся без стихов?

— Прочитай о планете! — прошу я Николая. И снова звучит его приглушённый голос:

«Кружись в пространстве,

Гулкая планета,

Вращай все шесть своих материков,

Да только так,

Чтоб всем хватало света,

Чтоб вылетали звенья из оков!»

— Завидую тебе! — говорю я.

— Почему?

— Ты завтра будешь дома!.. Соберутся друзья. В цехе, наверно, ждут.

— Наверно.

— А я тебе завидую, в Москве учишься, это моя мечта. Как ты думаешь, сбудется?

— Обязательно! — отвечаю ему.

Прощаемся.

Долго смотрю вслед. Думаю о нашем заводе.

Завод, завод!.. Огромный и могучий — качает он сейчас своё немеркнувшее пламя. И на сотни вёрст призывно гудит его добродушный бас.

Завод, завод, он дал нам честность и мужество. Он дал нам самые сильные крылья, крылья жизни!..

1963